

Каменные надгробия XVII в. из Нововознесенского монастыря в Пскове

У всех же тех мест противу гробов вставляваны керемиды мраморныя с подписанием, – которого лета и месяца и дни и кто именем преставился, памяти ради родом грядущим.

А в земли в больших ямах во всех тех пещерах кладены братия наша во гробех, им же несть числа
«Монастырь Пречистыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии честнаго и славнаго Ея Успения Печерский в доли межд горех». Рукопись 1603 г.

Историография древнепсковского эпитафийного некрополеведения

К настоящему времени общие принципы изучения и описания древнерусских надгробий достаточно хорошо разработаны. Существует обширная специальная литература. Достаточно отметить обобщающий труд московского исследователя Леонида Андреевича Беляева «Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII-XVII вв.» (М., 1996) или работы С. Ю. Шокарева¹, в которых сведены обзоры библиографии по русскому некрополеведению. Особенно хорошо изучены столичные некрополи Москвы и С.-Петербурга в силу их исторически сложившегося значения как мест захоронения виднейших деятелей русской культуры и государства.

Мало изученными остаются местные провинциальные некрополи. Однако их древние остатки хранят в себе не менее интересные сведения о былых событиях и исторических личностях. Кроме того, в уцелевших надгробиях часто содержится уникальная информация, которую не дают другие источники. К сожалению, с течением времени большинство древних надгробий оказалось утрачено, и процесс этот неостановим. Тем важнее своевременно

Постников Арсений Борисович – ст. научный сотрудник Древлехранилища Псковского музея-заповедника

Благодарю отца своего Б. А. Постникова за полезные советы и предоставленные сведения, важные для темы и использованные при подготовке статьи

проводить изучение, фиксацию и копирование текстов старинных погребальных памятников, пока они сохраняются. Возможно, привлечение внимания специалистов и общественности к их состоянию и судьбе поможет продлить их жизнь, взять под необходимую охрану и бережение, а в некоторых случаях и отреставрировать ветхости.

Псковские надгробия привлекали внимание местных историков и краеведов с конца XVIII века. Впервые переписал и опубликовал некоторые тексты псковских древностей губернский секретарь и советник Казенной палаты Николай Степанович Ильинский (1759-1846). В его «Историческом описании города Пскова...» (1790-1796) приводятся надписи с чудотворных икон, Ольгина креста, чаши Нифонта, иконостаса Петропавловской с Буя церкви и других святынь. В том числе две храмосвятных памятных надписи из Мирожского монастыря от 17 сентября 7154/1645 г. и 2 августа 7219/1713 г.², а также текст с гробницы псковского митрополита Илариона, умершего в 1698 г. и погребенного в усыпальнице под Троицким собором³.

Те же надписи, но с добавлением новых и с разночтениями воспроизведены в третьей части труда митрополита Евгения (Болховитинова) «История княжества Псковского». Преподобный Евгений выделил для них особую главу с названием «Разные надписи», где процитировал среди прочего эпитафии с гробниц святого князя Всеволода-Гавриила (составленную в 1703 г.), св. Довмонта-Тимофея, св. Николы юродивого, псковских архиереев: Арсения (ум. 1683), Илариона (ум. 1698), Симона Тодорского (ум. 1754) и Гедеоны Криновского (ум. 1763)⁴. Вслед за тем он поместил план

нижнего этажа кафедрального Троицкого собора с указанием гробниц покоящихся там знаменитых псковских князей и архиереев⁵. Поскольку не все княжеские захоронения в Пскове были атрибутированы, а над многими из них в храмах не сохранилось надгробных плит с надписями, Болховитинов привел «Имянной список псковских князей и княгинь, погребенных во Пскове, сколько значится их по синодикам», где указал 19 имен в Троицком соборе, по одному в Спасо-Мирожском и Снеготорском монастырях и 13 имен княгинь в Ивано-Предтеченской женской обители⁶.

Традиция увековечения памяти умерших через установление мемориальных поклонных часовен-усыпальниц была распространена в древнем Пскове⁷. Одна такая часовня впервые упоминается митрополитом Евгением. Ее воздвигли в XVII веке на Торговой площади в память потомству о псковичах «убиенных от бунтовщиков» во время мятежа 1650 г. Она появилась на том месте, где совершались злодейские расправы мятежников над государевыми служилыми людьми. Из числа казненных псковских помещиков на площади были погребены только 10 человек. Над входом в каменную часовню имелась доска с надписью XVIII века, в которой запутанно рассказывалось о причинах восстания и перечислялись имена погибших. Болховитинов дословно привел запись с этой доски⁸. Часовня перестраивалась во второй половине XIX в. при установке памятника императору Александру II в 1886 г. К настоящему времени не сохранилась.

Особый интерес представляет опубликованная преосвященным Евгением пространная «Надпись, находящаяся во псковоградской Михаило-Архангельской церкви, вырезанная на плите и вделанная на правой стороне в стену» (1696 г.)⁹. Она является каменным церковным «летописцем» и излагает основные строительные этапы в истории храма от его закладки в 1339 г. до последнего капитального ремонта и освящения в 1696 г. В ней упоминаются попечители, на средства которых производились строительные работы. А в заключение назван резчик этой памятной плиты - Иоанн Степанов сын Щетинкин – посадский человек, один из изготовителей каменных надгробий в Пскове конца XVII века.

Следует отметить, что первые псковские краеведы, такие как Н. С. Ильинский или митрополит Евгений, во многом были, прежде всего, увлеченными коллекционерами исторических фактов. Их заслуга в том, что они собрали воедино и опубликовали доступные им сведения о Пскове, зафиксировали объекты старины в том состоянии, в котором они находились в их время. Однако методы их историографии были любительскими, что не позволило авторам обобщить материал и представить его системно. Они, в основном, описывали единичные древности, но не делали исторических обобщений. При этом в поле их зрения попали далеко не все «достойные внимания происходимости» и местные исторические объекты. Таким образом, каменные надгробия или керамиды из псковских церквей были представлены в их сочинениях довольно случайно.

В 1866 г. инженер-полковник Иван Федорович Годовиков, создавая свой уникальный труд «Описание и изображение древностей Псковской губернии», обратил внимание на существование многочисленных памятных и надгробных плит в псковских храмах. Отмечая эту особенность и признавая высокохудожественную и историческую ценность мемориалов, он сообщает: «Замечательны каменные дски, вделанные в стены церквей, частью внутри, а частью снаружи или в папертях, с выпукло-изсеченными надписями, украшениями и арабесками, с позолотою и яркими красками, совершенно теперь слинявшими, или просто белые, свидетельствующие о каком-нибудь историческом факте или об усопшем и погребенном лице...»¹⁰ В качестве образца И. Ф. Годовиков представил рисованную и раскрашенную акварелью копию с каменной надгробной плиты из церкви Козмы и Дамиана мужского монастыря на Гремячей горе¹¹. Она была вмурована в стену паперти с внешней стороны, справа от западных дверей храма. Иван Федорович не только изобразил в точности эту древнюю доску, но также привел ее размеры и дословный текст, из которого следует, что заказчиком ее был попечитель монастыря посадский человек Филипп Семенов сын Гремяцкий. Надгробие воздвигнуто в конце XVII века в память об усопших сродниках Филиппа: отце Семене Гаврилове сыне Гремячком – вкладчике и подьячем Козмодамианской обители, умершем в 1674 г., и жене

Филиппа – Анне Фадеевой дочери, скончавшейся в 1697 г.¹² Богато орнаментированная полихромная плита являлась подлинным произведением искусства псковского мастера-резчика. К сожалению, этот шедевр в XX в. был утрачен. Сохранился лишь обломок полукруглого завершения надгробия. Теперь он находится в Русском музее, куда поступил из коллекции Ю. П. Спегальского¹³. Заслуга И. Ф. Годовикова в том, что он впервые проникся интересом к псковским надгробиям не только из-за их исторически ценных текстов как источников информации, но, прежде всего, как к художественным творениям, имеющим большое эстетическое и археологическое значение. Кроме того, он достаточно профессионально описал зарисованный в альбоме эпиграфический памятник и, благодаря снятой копии сохранил его образ для потомков.

Развитию исторической науки в Пскове способствовало образование в 1837 г. Губернского статистического комитета, проводившего сбор сведений о сословном составе, жизни и занятиях местного населения, а также исследования по географии, картографии, этнографии и истории Псковского края. Статистический комитет привлек в ряды своих сотрудников многих провинциальных интеллектуалов, среди которых в 1871 г. оказался священник Гавриил Васильевич Лебедев. Ему принадлежит первый труд по местному некрополеведению под названием «Псковское городское Дмитриевское кладбище» (Псков, 1871). Хотя в нем нет сведений о каменных надгробных плитах или керамидах, установленных в церквях, тем не менее в очерке Г. В. Лебедева содержатся важные наблюдения из истории псковских кладбищ вообще и данные по бытованию Дмитриевского кладбища в частности. Так, священник Гавриил отметил, что «до 1771 г., хотя и были во Пскове особые кладбища (скудельницы) за городом, как например Мироносицкое, где погребались умершие во время эпидемий, нередко свирепствовавших во Пскове; но не запрещалось погребать умерших и при каждой церкви, даже и во время эпидемий. При каждой церкви было свое кладбище, на коем погребались прихожане. Но в 1771 году указом Святейшего Синода, с Высочайшего соизволения, 29 ноября, № 2308, повелено: дабы по городам при церквях никого не хоронили, и отвели бы губернаторы для того особые кладбища за городами...»¹⁴. Этот указ Синода последовал после страшной эпидемии чумы в Москве в 1771 г.

С возникновением в 1872 г. Археологической комиссии, преобразованной в 1880 г. в Псковское Археологическое общество (ПАО), активизировалась исследовательская деятельность краеведов. Появились издания по истории отдельных псковских храмов и монастырей, подготовленные местными священнослужителями и преподавателями Псковской Духовной семинарии, сотрудничавшими с ПАО. Статьи и брошюры этих авторов имели характер историко-статистических очерков и продолжали традицию первых псковских краеведов по накоплению материалов и источников информации об исторических событиях и объектах старины.

Чаще всего авторы либо свидетельствовали наличие в храмах древних надгробий, либо просто цитировали их тексты без комментариев. Так, священник В. Д. Щукин в заметках о «Петро-Павловском соборе в городе Пскове» (1883 г.) сообщает, что при входе в церковь с западной стороны, внутри паперти, на стене четверика «находятся каменные плиты с надписями, но что на них выбито – невозможно разобрать, так как многие буквы совершенно изгладились. Предание, хранящееся между прихожанами собора, гласит, что в стенах онаго находятся замуравленные скелеты»¹⁵.

Другой священник, Александр Березский, более внимательно отнесся к прицерковным захоронениям, составляя «Историко-археологический очерк псково-градского Георгиевского со Взвоза храма» (1887 г.). Для их описания он выделил параграф под названием «Могильные памятники», где привел тексты двух каменных плит, хранящихся в притворе. Первая принадлежала жене псковского помещика Александра(?) Тимашева Настасии (в другом прочтении - Наталии) Васильевой дочери Колобова, умершей 9 декабря 7198/1689 г. Вторая относилась к 1701 г. и содержала перечень имен усопших сродников некоей Аграфены Ивановой дочери. Далее А. К. Березский рассказал о каменном склепе, обнаруженном им под притвором Георгиевской церкви в 1885 г.¹⁶. При этом он отметил, что как в самом храме, так и вокруг него были захоронены сотни христиан, судя по «целым массам человеческих костей, находимых под полом в притворе храма, около его стен и на окружающей площади». Таким образом, А. К. Березский отметил существова-

ние средневековых некрополей при приходских церквях, хотя и не распространял свои выходы на другие храмы.

В 1895 г. к 400-летию юбилею возведения каменного храма Варлаама Хутынского на Званице его священник Александр Егорович Лебедев подготовил о нем историко-статистический очерк. В содержание очерка вошли краткие сведения о Воскресенской церкви со Стадища, поскольку с конца XVIII в. она была приписана к Варлаамовской. До 1764 г. при Воскресенском храме находился женский монастырь. Описывая уцелевшие древности бывшего монастыря, А. Е. Лебедев привел тексты четырех сохранившихся каменных досок XVII в., укрепленных на внешней стороне западной и южной стен четверика, внутри притвора. 1-я принадлежала представителям рода иваногородца Никона Исакова сына Горчакова (у Лебедева – Торчакова) (ум. 1663 г.) и его сродникам ум. 1688 г. 2-я плита – над захоронением Агрипины Ивановой, во инокинях Александры схимницы (ум. 1676 г.). 3-я – митрополичьего сына боярского Моисея Иванова с детьми (ум. 2 сентября 7197/1688 г.). (У А. Е. Лебедева ошибка в расчете даты при переводе сентябрьского стиля на январский). 4-я – «керемида» рода Пильникова священноиерея Иоанна Семенова сына и Ираиды схимницы. (Без года)¹⁷. А. Е. Лебедев упоминает о существовании еще нескольких плит в Воскресенской церкви, но оговаривает, что «на некоторых из них буквы выветрились от времени и надписей разобрать нельзя»¹⁸. К настоящему времени в стенах Воскресенского храма сохранились следы от семи «керамид» в виде пустых ниш. Только две плиты уцелели, да и то без срединков, в которых, вероятно, были вставлены иконы. Учитывая пустующие ниши, можно представить, что в XVII веке в церкви находилось девять надгробий. Сами захоронения располагались под полом паперти, в монастырском склепе.

По-видимому, в чтении неразборчивых надписей А. Е. Лебедеву помогал краевед И. И. Василев, поскольку отец Александр в предисловии к своему очерку выражал ему благодарность за оказанное содействие в подготовке текстов древних письменных памятников.

Подтверждением тому служит публикация самого И. И. Василева «Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей»

(СПб., 1898). В этом указателе на странице 62 приводятся тексты тех же четырех надгробий Воскресенской церкви, что и у А. Е. Лебедева. Они выстроены в той же последовательности, с одинаковой погрешностью в датировке сентябрьского стиля и незначительными различиями отдельных букв.

Кроме того, в «Археологическом указателе...» И. И. Василева воспроизведены тексты псковских мемориальных плит из Михаило-Архангельской церкви и усыпальницы Троицкого собора, однако лишь те, что уже были опубликованы предшествующими авторами. Со своей стороны И. И. Василев не добавил к ним новых. Он только отметил, что в соборе, в алтарной части нижнего этажа, появились гробницы псковских архиепископов: Мефодия Смирнова (ум. 1815), Нафанаила Павловского (ум. 1849), Евгения III Баженова (ум. 1862) и Феогноста Лебедева (ум. 1868)¹⁹. В отношении памятной плиты из Михаило-Архангельской церкви И. И. Василев выразил странный и необоснованный скептицизм, заявив, что «этой записи, составленной сравнительно недавно, едва ли во всем можно верить». Его рассуждения основывались на неверной трактовке текста 2-й Псковской летописи, где говорится о заложении в 1339 г. церкви «в Городце». Однако автор ошибочно посчитал, что речь идет о какой-то другой церкви, поскольку, по мнению Василева, Архангельский собор находился в Торговском а не Городецком конце²⁰. Все это показывает, что Василев всерьез не занимался надгробиями как историческими источниками.

Некрополь Иоанно-Предотеченского женского монастыря в Пскове привлек внимание преподавателя Духовной семинарии коллежского секретаря Ивана Дмитриевича Дмитриева. В 1913 г. он подготовил историко-археологический очерк о монастыре, где описал храмовые гробницы преподобных псковских княгинь – инокинь Ивановской обители: Наталии, схимонахини Марфы (в миру Марии Дмитриевны, супруги князя Довмонта), святой Евфросинии в иночестве Евпраксии – основательницы монастыря, и ее келейницы монахини Снандулии²¹. И. Д. Дмитриев процитировал древнюю надпись с каменной плиты у гроба княгини Евфросинии, в которой изложена история чудесного истечения мира от иконы Спасителя в 6755/1247 г.²², а также поместил фотографию

гробницы святой Евпраксии²³. К сожалению, о монастырском кладбище, достаточно значительном и интересном, автор обмолвился общими фразами. Это тем более досадно, поскольку в советское время от кладбища не осталось и следов. Были уничтожены и захоронения княгинь.

Пожалуй, из всех дореволюционных исследователей материальных памятников псковской старины наиболее внимательным и последовательным был Николай Фомич Окулич-Казарин. Являясь секретарем ПАО и хранителем музея, он активно стремился к научной систематизации музейных фондов. Результатом его деятельности стали многочисленные издания, значительно продвинувшие краеведческую науку. Он занимался разбором архивов и составлением описей документов, публикацией источников и разработкой мер по охране памятников, собирал материалы для археологической карты Псковской губернии и данных по топографии древнего Пскова. В отличие от некоторых своих предшественников-краеведов он не переписывал один и тот же материал из книжки в книжку, а сам натурно обследовал и изучал каждый памятник. Поэтому его описания городских храмов и палат были наиболее подробными и оригинальными. При составлении «Путеводителя по музею Псковского Археологического Общества» (1908 г.) Н. Ф. Окулич-Казарин включил в него описание шести надгробных плит, хранившихся в собрании Поганкиных палат: 1) каменное надгробие 7076/1568 г. из Спасо-Преображенского монастыря, принадлежавшее князю Дмитрию Андреевичу Булгакову-Куракину, захороненному в обители; 2) надгробие рода пусторжевцев Шестуновых 7198/1690 г., августа 22 и 7199/1690 г., сентября 26; 3) плита 1701 г. псковского помещика Константина Григорьевича Сумороцкого и его жены Настасьи с поминанием прежде почивших сродников, положенных в Успенском монастыре (с Полоница) и у церкви св. Георгия (со Взвоза); 4) каменная доска 1701 г. с поминовением атамана яицких казаков Иоанна Сергеева, «преставльшагося на службе Великаго Государя»; 5) часть надгробия псковского помещика Ильи 1701 г.; 6) фрагмент плиты неизвестного псковского помещика 1701 г.²⁴ Все указанные плиты – каменные, псковского производства. Н. Ф. Окулич-Казарин привел их раз-

меры. Но прежнее местонахождение назвал только у одной из них. Значит, происхождение и источники поступления в музей других надгробий ему были неизвестны. К сожалению, в годы Великой Отечественной войны при спешной эвакуации из Пскова музейных ценностей, многие экспонаты были оставлены на произвол судьбы в здании Поганкиных палат и впоследствии утрачены. Все довоенные надгробия из собрания Псковского музея к настоящему времени не сохранились.

Во втором издании «Спутника по древнему Пскову» (1913 г.) Н. Ф. Окулич-Казарин широко представил наличие древних надгробий в псковских храмах. Это был единственный путеводитель, в котором нашли отражение памятные эпитафии. Описывая особенности псковской средневековой церковной архитектуры, Н. Ф. Окулич-Казарин специально отмечал: «В церковные стены стали вделывать каменные надгробные плиты, которые встречаются во всех древних псковских храмах (в новгородских церквях в стены вделывались каменные кресты)»²⁵. В «Спутнике...» упоминается существование керамид или каменных плит в следующих храмах:

1. Богоявления на Запсковье (могильная плита 1699 г.);
2. Георгия со Взвоза (1690 г.);
3. Ильи Пророка с Мокрого луга (1677 г.);
4. Козмы и Дамиана с Гремячей горы (1697 г.);
5. Козмы и Дамиана с Примостья (две муравленые керамиды XVII в.);
6. Михаила и Гавриила Архангелов с Городца (две памятные плиты 1696 и 1697 гг.);
7. Нового Вознесения (четыре плиты середины XVII века);
8. Преполовения Пятидесятницы на Спасо-Великопустыньском подворье (эпитафия 1694 г.);
9. Рожества Богородицы Снетогорского монастыря (огромная памятная плита XV в. и несколько малых 1647, 1648 и других годов);
10. Сергия с Залужья (1624 г.);
11. Спасо-Преображенский Мирожский монастырь (каменное надгробие 1568 г., поступившее в музей ПАО);
12. Успения с Парома (плиты 1693 г.)²⁶.

В названных 12 храмах Н. Ф. Окуличем-Казариным описаны далеко не все надгробия. Одни из них лишь упоминаются, а другие толь-

ко цитируются, иногда с ошибками. Кроме того, Николай Фомич подробно рассказал о гробницах Троицкого собора и отметил присутствие древних захоронений в других псковских храмах, известных ему по литературе, личным наблюдениям и народным преданиям²⁷. Так, по его сообщению, в подцерковьях и под полом притворов и папертей Спасо-Преображенского Мирожского, Рождества Богородицы Снетогорского, Ивано-Предтеченского, Нововознесенского и Гремяцкого храмов раньше были усыпальницы и склепы с захоронениями монашествующих и мирян, надгробия которых не сохранились. Благодаря свидетельствам Н. Ф. Окулича-Казарина и других краеведов XIX-начала XX вв. сохранились данные о многих ныне утраченных захоронениях. Тем не менее никто из перечисленных выше авторов не ставил специальной цели исследовать псковские средневековые надгробия и некрополи.

С приходом советской власти древние могильные памятники варварски уничтожались. Осквернению и разорению подверглись практически все псковские кладбища. Антихристианские безбожные кампании привели к утрате множества церковных древностей Псковской земли.

Единственным уцелевшим островком Православия на Псковщине остался Печерский монастырь, но и то благодаря пребыванию на территории, временно отошедшей от России к Эстонии по Тартускому договору 1920 г. По этим исторически сложившимся обстоятельствам сохранился замечательный духовный центр на Северо-Западе России, с уникальным архитектурным ансамблем XVI-XIX веков и подземным пещерным некрополем.

В 1960–1970-х годах исследованием керамических и каменных надгробных плит Псково-Печерского монастыря занималась Изилла Ивановна Плешанова, сотрудница Института Археологии АН СССР. В ее основательных статьях подробно описаны все сохранившиеся в пещерах плиты, числом около 350 штук. Из них 112 керамид и 235 каменных досок. Некоторые не читаются, так как текст утрачен²⁸. Однако прежде, в конце XIX в., согласно подсчетам автора книги «Первоклассный Псково-Печерский монастырь», в подземном некрополе находилось 413 надгробий²⁹. Это самый крупный сохранившийся русский некрополь с захороне-

ниями XVI–начала XVIII веков. По своей полноте он не имеет аналогов. Работы И. И. Плешановой значительно облегчают изучение собственно псковских городских могильных плит. В них прослеживается процесс развития художественных и технологических особенностей надгробий, созданных в разное время и подразделяющихся на несколько больших групп в зависимости от декоративных и эпиграфических признаков, а также способов производства. И. И. Плешанова привела дословно все тексты плит с соблюдением старой орфографии, выстроила их в хронологическом порядке, указала характерные черты каждой, обозначила размеры, выполнила прорисовки и фотографии наиболее интересных из них и сопроводила свой каталог историческими комментариями, стараясь по возможности восстановить судьбу людей, захороненных в пещерах Псково-Печерской обители. В настоящее время труд И. И. Плешановой является образцом подобных исследований. Важным выводом ее изучения стало наблюдение о местах массового изготовления этих плит. Согласно совокупным технологическим признакам, данным спектрального и химического анализа материалов, а также упоминаниям имен мастеров, с достоверной точностью было установлено, что местами производства керамид являлись псковский и печерский посады. Что касается каменных надгробий со сложной оброчной резьбой, то, очевидно, что «не монастырский посад был местом их изготовления, а город Псков, где работали квалифицированные ремесленники различных специальностей»³⁰. Хотя И. И. Плешанова работала на местном эпиграфическом материале, и даже привлекала сведения из различных музейных и архивных собраний Ленинграда и Москвы, где оказались некоторые псковские могильные памятники, тем не менее, она не занималась рассмотрением и изучением средневековых некрополей собственно города Пскова. В ее статьях есть ценные упоминания об отдельных городских плитах, вмурованных в стены церквей, но комплексного их обзора нет, что, впрочем, и не входило в задачу ее конкретного исследования.

В 1986 г. архитектор-реставратор С. П. Михайлов обследовал псковский храм Успения Богородицы с Полонища. С XV по середину XVIII века это была церковь женского монастыря.

Впоследствии, при упразднении обители, в 1764 г. ее обратили в приходскую, а в 1811 г. совершенно перестроили в стиле провинциального классицизма. Ожидать того, что сохранились какие-либо остатки старины в заново отстроенном храме, не приходилось. Однако в ходе архитектурных зондажей и расчисток в пилонах церкви были обнаружены вмурованные каменные надгробия. С. П. Михайлов описал пять найденных плит XVII века³¹. Однако позже, при передаче храма верующим для богослужений, начались ремонтно-восстановительные работы, и обнаружились еще две вновь расчищенные плиты, которые были неизвестны С.П.Михайлову. Кроме того, в его публикации содержатся досадные погрешности в прочтениях и датировках текстов надгробий. Например, одну из эпитафий он прочел так: «Лета 7086 (1578) году в 11 день мае месяце преставися раба Божия Марья Никитична Сергея Федоровича жена Беклемешева (?) а во иноцех Марфа схимница»³². Нам также довелось копировать тексты успешных захоронений в 1994 году и уточнить их содержание. В нашем прочтении цитированную запись следует читать иначе:

1. ēYòà &7nā ĩ āĭāō āú ĩ ĩbā ĩ àèà āú 11 Āĭ
2. ĩđānòĀāēñz đāáf āæĭā ĩ àðèy
3. ĩéèèðèfā āk nĭēēfā F āāđōfāúñēāy
4. æāfā ĩāāfĭāè-à āāēēēā ĩ è
5. øāāà a āĭ èfĭōāōú ĩ àđf à ĩðēĭēōā.

Как видно, разница в транскрипции довольно существенная. Во-первых, С. П. Михайлов неверно перевел год: вместо названного им 7086/1578 года, указан 7202/1694 год. (Временное расхождение больше века!) Во-вторых, покойная помещица Мария была дочерью Никиты Селина и женой великолукцкого дворянина Федора Ивановича Беклемишева, упоминаемого в переписной книге Пскова 1678 г.³³, а отнюдь не супругой некоего Сергея Федоровича Беклемешева. Есть и другие подобные неточности, что лишний раз подтверждает необходимость при публикации прочтенных текстов сопровождать их иллюстрациями фотографий и прорисей, снятых с надгробий. Ошибок в именах людей можно было избежать, если бы автор обратился к дополнительным источникам, например, синодикам или валовым переписям на-

селения, дающим богатую информацию для восстановления списков имен в родах, составления родословных схем и вообще позволяющим проследить судьбу рода в биографиях его представителей. Прориси с успенских плит, снятые С. П. Михайловым, ныне хранятся в архиве псковских реставрационных мастерских. К сожалению, формат и условия издания АИППЗ не позволяли опубликовать их в свое время.

В 1992 г. на научно-практической конференции ПИХМЗ был представлен доклад М. И. Зуева «Каменное надгробие Нащекиных из Острова (1645 года)»³⁴. Сообщение основывалось на рассмотрении погребальной плиты псковского помещика Тимофея Алексева сына Нащокина, его жены Евдокии, сына Алексея, невестки Елены и внука Ивана. Надгробие теперь находится в собрании Псковского музея, куда поступило в августе 1961 г. из Никольской церкви города Острова. Автор привел текст памятника, сделал его палеографическое описание и нашел упоминание о покойном Т. А. Нащекине в писцовых книгах 1626-28 гг. Однако из поля зрения М. И. Зуева, по-видимому, ускользнуло существование дореволюционной работы протоиерея Николая Панова под названием «Летопись Троицкого собора г. Острова Псковской губернии» (Псков, 1912), где были впервые опубликованы эпитафии с четырех из шести плит, вмурованных в стены притвора Никольского храма по сторонам от входа³⁵. Одна из эпитафий являлась текстом той самой доски Тимофея Нащокина, которая была вывезена в музей. Этим обстоятельством обусловлено обращение М. И. Зуева к исследованию лишь одной плиты в отрыве от всего их комплекса в некрополе Никольского храма из Острова.

К сожалению, практика вывоза памятников с мест их исконного происхождения и бытования не всегда служит их сохранению от уничтожения. Часто это приводит к утрате первоначального облика исторического объекта, лишённого таким образом своего вида и смыслового значения. Более того, утрачивается памятный знак, связанный с определенным топографическим местом, что может стать причиной окончательного забвения древних захоронений среди местного населения. Это же создает затруднения в атрибуции памятников у специалистов-исследователей, которые нередко вынуждены заниматься изучением отдель-

ных экспонатов из музейных коллекций особенно от обстоятельств их прежнего бытования и окружения.

Удачным примером исследования на местном материале, с комплексным привлечением данных археологии, эпиграфики и рукописных источников, может служить статья Т. В. Кругловой и Е. А. Яковлевой «К истории Успенского храма в Пскове» (1999 г.)³⁶. В ней рассказывается о том, как в 1994 г. был обнаружен склеп у юго-западного угла церкви Успения с Парома. Когда началось его изучение в непосредственной связи с историей Успенского собора на Завеличье, выяснилось, что он принадлежит роду посадских людей Колягиных, известных псковских купцов-благотворителей и церковных попечителей. Именно на средства этих людей, братьев Марка и Василия Игнатьевых детей Колягиных, в конце XVII века проводились работы по строительству двух южных приделов и перекрытию кровель и куполов Успенского собора. Для идентификации останков 24 человек, захороненных в склепе, авторы привлекли текст поминальной медной доски, вделанной в стену алтарной части второго придела Успенской церкви. В ней названы имена 20 представителей рода Колягиных. Таким образом, благодаря эпиграфическим источникам удалось точно атрибутировать фамильную принадлежность данного склепа. Этим исследованием авторы показали, насколько интересным и плодотворным может быть изучение средневековых псковских некрополей, если связывать археологический материал с живой судьбой конкретных людей, восстанавливая их исторические деяния.

Археологические исследования дают много важной информации о псковских средневековых монастырских некрополях. Но, к сожалению, ее крайне редко можно применить для установления персон погребенных, если при этом не будут найдены особые эпиграфические материалы, помогающие атрибуции. В 1992 и 2002 гг. были произведены раскопки части некрополя Иоанно-Златоустовского Медведева монастыря. Ими руководили Э. В. Королева и А. В. Михайлов. В ходе работ изучался слой кладбища, в котором обнаружено множество захоронений XVI-XVIII вв. При этом в раскопе 1992 г. «над погребениями в слое разрушения церкви были найдены фрагменты известняковой керамики», принадлежавшей рабу Божиему новгородскому помещику (Василию - ?) Андрееву

сыну Нашокину, во иноцех Варламу схимнику³⁷. К статье Э. В. Королевой о результатах раскопок было приложено изображение найденных обломков плиты, оставленное без комментариев. Между тем В. А. Нашокин – это единственный человек, из погребенных на Златоустовском кладбище, имя которого установили археологи. В то же время вполне достоверное представление о том, что при монастырской церкви, построенной Иваном Сергеевым сыном Поганкиным, были захоронены представители рода Поганкиных, видится А. В. Михайловым лишь «расхожей легендой»³⁸. Все это еще раз убеждает нас в том, что при исследовании погребальных комплексов необходим универсальный подход, основанный не только на данных археологии, но также на исторических, эпиграфических, археографических и прочих источниках во всей совокупности.

Последней по времени работой о псковских надгробиях является статья сотрудницы ПМЗ Богдановой И. А. «Памятные плиты XVI-XVII вв. некрополя Мирожского монастыря»³⁹. В ней рассмотрены четыре доски XVII века, сохранившиеся поныне в стенах Мирожского монастыря, и одна плита 1568 года, на сегодняшний день утраченная. И. А. Богданова опубликовала и прокомментировала тексты эпитафий, сопроводив их прорисовками с надгробных плит. Она постаралась разыскать в письменных источниках доступные сведения о личностях покойных.

Приведенный историографический обзор показывает, что памятники псковского некрополя изучены неравномерно и фрагментарно. До недавней поры, то есть до появления работ И. И. Плешановой, керамида и каменные надгробия Пскова специально не изучались. Лишь в последнее время стали появляться статьи, непосредственно посвященные надгробиям как историческим источникам и произведениям искусства.

Для того чтобы перейти к рассказу о надгробиях из церкви Нового Вознесения на Полонище, необходимо несколько слов сказать об истории самого монастыря.

Нововознесенский женский монастырь и его некрополь⁴⁰

Основание обители относится к XIV веку. Монастырь назван «Новым» в отличие от Старой обители Вознесения Христова, находящейся

ся неподалеку. Расположен в Пскове, в Окольном городе, в Мокролужской сотне, на Романовой горке. Согласно важному наблюдению Л. А. Творогова, основанному на тексте поминальной записи Нововознесенского синодика, учредителями монастыря и строителями первой церкви были псковский князь Евстафий с женою княгиней Евфимией. Они умерли во время мора 1359-1360 гг. Таким образом, появление Нововознесенского монастыря с деревянным храмом можно отнести ко второй четверти XIV в.⁴¹ Первое датированное упоминание монастыря содержится в записи на харатейном рукописном Шестодневе XIV в. из Пскова. В нем, на л. 96 есть интересная приписка: «В лето 6881 (1373/1374 г.) сего же лета Кюрил святыи совершишь и владыка Олексей в Пьскове был. И пьсковичи гадають град Пскова прияти на Новое Възнешение. А писал Сава поп»⁴². Иными словами, псковичи предполагают крепостной стеной охватить Псков до Нового Вознесения. Здесь впервые называется монастырская церковь Новое Вознесение как топографический объект, на что обратили внимание А. А. Покровский и И. К. Лабутина⁴³. Но, кроме того, в записи содержится ценная информация о планах псковичей расширить городскую территорию путем строительства новой каменной стены Среднего города за год до начала работ по ее возведению. Как известно, в 6883/1375 г. при псковском князе Матфее и посаднике Григории Остафьииче «псковичи заложиха 4-ю стену камену от Псковы до Великыя реки, по старой стене; поне же была старая стенка зделана з дубом, мало оузвышь мужа, около всего посада»⁴⁴. Таким образом, запись в Шестодневе очевидца событий попа Савы проясняет первоначальный неосуществленный замысел псковичей строить новую каменную стену не на основании старой дубовой и не вплотную к ней, а с охватом большей площади, вплоть до храма Нового Вознесения. Возможно, что при осуществлении такого намерения монастырь оказался бы тогда внутри крепости еще до возведения стены Окольного города 1465 г.

Обстоятельное обустройство Нового девичья монастыря связано с возведением в нем каменного храма во имя Вознесения Господня. (Рис. 1,2). Однако это событие произошло уже после сооружения крепостных стен Окольного города, взявших под защиту околород-

ный посад на Полонище, где располагалась обитель. Согласно исследованию Вл. В. Седова, «дату постройки рассматриваемой церкви можно достаточно уверенно отнести ко времени от середины 1530-х гг. до 1542 г., а сам памятник поставить в ряд с целой группой небольших и погостских храмов псковской школы второй трети XVI в.»⁴⁵ Свои выводы он основывает на историко-архитектурном анализе памятника в сопоставлении с другими местными храмами аналогичного типа. Подтверждение своим выводам Вл. В. Седов нашел в надписи на храмовом образе из местного чина Нововознесенской церкви. Икона Вознесения Господня, ныне находящаяся в Новгородском музее, имеет в нижнем поле расчищенную запись: «В лето 7050 (1542) при державе царства благоверного Великаг(о) князя Ивана Васильевича всея Роуси и при архиепископе великаго Новаград(а) и Пскова владыце Макари(и) написана быс(ть) икона сия повелением раба Божия Ионы инока»⁴⁶. По мнению Вл. В. Седова, «этот храмовый образ 1542 г. был написан, скорее всего, для иконостаса новопостроенной каменной церкви».

Вотчинные владения обители, созданные, в основном, «милостивцами» и «вкладчиками» уже к XVI в., весьма полно представлены в переписи Пскова и его пригородов 1585-1587 гг. На основании данных, полученных при изучении этой переписи проф. Н. С. Суворовым, можно подсчитать, что в пригородных уездах за Нововознесенским девичьим монастырем значилось: три деревни, одно селище и 75 пустошей⁴⁷.

После Ливонской войны Нововознесенская вотчина была одной из самых крупных среди владений девичьих монастырей Пскова. По аналогии со Старовознесенской, она вполне позволяла обеспечить проживание одного-двух десятков монастырских насельниц, нескольких белиц-вкладниц и необходимого количества белого духовенства. Находясь в «особножитной» Нововознесенской обители (как и в большинстве других девичьих монастырей Пскова), старицы проживали в своих отдельных, нередко собственных, кельях и в них же трапезничали по мере своих доходов. Наиболее состоятельным сестрам прислуживали личные келейницы, из бывших крепостных, которые жили при своей госпоже в монастыре иногда со своими семья-

ми. При кончине некоторых состоятельных вкладчиц их кельи с земельными участками завещались монастырю. В свою очередь, монастырь размещал в них других стариц или отдавал для проживания «в подсоседстве» на договорных условиях посадским людям. Согласно переписи Пскова 1646 г.⁴⁸ на территории Нововознесенского монастыря «в подсоседстве» жили с семьями псковичи посадские люди:

1. «Ондрюшка Смолянкин... у старицы Улиты в подсоседе» (л. 401 об.);
2. «Сенка Федоров с сыном Онашкою» (401 об.);
3. «Венедишко Ларионов... у него сын Микушка» (402 об.);
4. «Акимко Иванов Подрябинник» (402 об.);
5. «Исачко Ондреев Трепец» (202 об.);
6. «Ульяшка Семенов» (402 об.);
7. «Осипко Кузьмин» (403).

Из них особое значение для обители впоследствии имел упомянутый Микушка – сын Венедикта Ларионова по прозвищу Сарпунов. Его отец – Венедикт Сарпунов был серебряником. В 1668 г. за лавку в Серебряном ряду бывшую до него во владении серебряника Якова, платил государев оброк 8 алтын 2 деньга⁴⁹. Сам же Микушка – позднее Михайла Венедиктов Сарпунов – стал знаменитым псковским серебряных дел мастером и крупным торговцем-оптовиком. Начиная с 1680-х гг. и до конца своей жизни в 1716 г. он много сделал для родного монастыря и, как будет видно ниже, при разных игуменах неустанно трудился над его обновлением и украшением.

Нововознесенская обитель, основанная княжеским семейством и оказавшаяся со временем едва ли не в центре средневекового Пскова, стала местом келейного затворничества для многих представительниц женской половины наиболее знатных псковичей. В монастырский синодик⁵⁰ вписывались для поминовения многие княжеские и дворянские роды, а также верхушки псковского посада. Среди княжеских – вписаны роды: Пожарских (л. 15), Оболенских (л. 28), Шаховских (л. 38 об.); среди дворянских – роды: Сумароковых (л. 16 об., 18), Татишевых (л. 23, 30), Корытовых (л. 17 об.), Чихачевых (л. 26, 39), Елагиных (л. 31 об.), Сеславиных (л. 36) и прочих. Среди именитых посадских людей – гостей: Детковых (л. 16), Резаловых (л. 17), Се-

мена Великого (л. 19-19 об.), Щукиных (л. 28-28 об.); среди крупнейших купцов-оптовиков: Игнатия Колягина (л. 15 об.), Ямского (л. 27 об.), Огородниковых (л. 40), Анкидина Гдовлена (л. 45), Семена Меншикова (л. 47 об.) и других.

Многие настоятельницы и постриженицы Нововознесенской обители имели дворянское происхождение. Их родственники миряне покровительствовали монастырю. Естественно, что после смерти лиц высокого социального положения, связанных при жизни с обителью, их тела стремились захоронить в стенах монастыря: на церковном бую или даже под полом внутри храма. Территория огражденного церковного или монастырского двора считалась священной, особенно это почитание относилось к здешнему некрополю. Формирование кладбища при Нововознесенском монастыре началось с момента его основания, то есть уже в конце XIV века. Однако от наиболее древних времен видимых следов захоронений не сохранилось. Об их численности и характере можно будет судить лишь на основании археологических раскопок, которые в полной мере еще не проводились.

В 1994-1995 гг. была фрагментарно обследована только западная и юго-западная часть монастырского кладбища. Работами руководили археологи Б. Н. Харлашов и С. В. Степанов. Поскольку раскоп проводился под прокладку водопроводных коммуникаций, он представлял собой траншею шириной около 2 м и протяженностью 134 м. Траншея пересекала северо-западный склон Романовой горки от церкви Новое Вознесение до бани на ул. Советской (прежде Великой). В слое монастырского кладбища было вскрыто 23 погребения. Некоторые из них с подзахоронениями. Кроме погребений, в ходе раскопочных работ двух сезонов собрано около 60 черепов и большое количество разрозненных костей человеческих скелетов. Таким образом, обнаружены фрагменты тел свыше 80 человек. По завершении раскопок все останки были перезахоронены с соблюдением обряда отпевания на территории Нововознесенского некрополя. «Вещевой материал, собранный при раскопках на участке, немногочислен – это в основном фрагменты керамической посуды XV-XVIII вв... Все погребения безынвентарны». Найдены лишь два литых тельных крестика и средник складня с изображением Деисуса,

относящиеся к началу XVIII века⁵¹. На основании находок археологами сделаны выводы о времени существования некрополя. По наблюдению Б. Н. Харлашова и С. В. Степанова бытование монастырского кладбища относится к XIV-XVIII векам. «Судя по находкам в слое кладбища керамики XVIII века, последние захоронения, часть которых была открыта в раскопе, могут датироваться не позднее этого времени»⁵². По остаткам древесного тлена и ржавым кованым гвоздям, зафиксированным у многих погребений, можно заключить, что покойные хоронились в дощатых гробах. Некоторые могилы обнаруживают семейное родство покойных, о чем свидетельствует их компактное размещение параллельно друг другу и общая ориентация головой на север/северо-запад. Кроме того, единовременное захоронение представителей одной семьи с наличием мужских и женских скелетов указывает на возможную причину их общей смерти от эпидемии или стихийного бедствия.

Раскопки подтвердили наличие древнего кладбища, существовавшего на протяжении всей истории Нововознесенского монастыря, вплоть до его упразднения в 1764 г. Однако назначение охранных раскопок под водопроводную трассу не позволило археологам исследовать всю территорию некрополя, определить его границы и составить представление о примерном количестве его захоронений. Кроме того, археологические данные не содержали информации о социальном положении погребенных, их отношении к монастырю и, тем более, не предоставляли материалов для установления личности покойных.

Поэтому доступные сведения о монастырском некрополе пока содержатся лишь в уцелевших каменных надгробных плитах XVII века, вмурованных в стены Нововознесенского храма. Обратимся к их текстам.

Следует заметить, что при подготовке эпиграфик к публикации использовались методические приемы, разработанные Институтом Археологии и примененные И. И. Плешановой в статьях о Псково-Печерском некрополе.

Для соблюдения последовательности, описания и тексты надписей расположены по хронологии. Если на одном надгробии указано несколько дат, временем изготовления плиты считается последняя дата.

При передаче текстов допущены следующие отступления от источника: введены разрывы между словами, лигатуры разъединены. Утраченные знаки вставлены в квадратных скобках.

1. Надгробие Г. П. Бачманова 1647 г., 11 апреля -

самое раннее из сохранившихся в монастырской церкви. Оно находится в притворе и вмонтировано в восточную стену слева от дверного проема при входе в четверик. (См. рис.3). Располагается чуть выше уровня каменного пола, сложенного из больших квадратных плит. Выполнено из серого, плотного, хорошо обработанного известняка, в технике неглубокой оброчной резьбы. Плита небольшая, трапециевидной формы с округлым завершением. В верхней части традиционное изображение осмиконечного Распятия на Голгофе с трехступенчатым подножием и орудиями страстей Христовых – копием и тростью. По сторонам размещены надписания под титлами (монограммы): $\Theta\Omega$ (Царь) $\Sigma\Lambda$ (Славы) IHC (Иисус) CH (Христос); рядом с Крестом: $\text{I}\text{E}\text{E}\text{A}$ (Победа), EI (копие) OI (трость), $\text{I}\text{O}\text{E}\text{O}\text{A}\text{O}$ (место лобное рай бысть)⁵³. Под Крестом и Голгофой символическое изображение «главы Адама» - черепа и двух костей. Трость имеет стилизованные сучки. Текст исполнен крупной четкой вязью, хорошо распределен по доске. Композиция уравновешена. Левая сторона верхней части имеет утраты. (См. рис. 4).

1. $\text{E}\text{Y}\text{O}\text{A} \ \&7\text{O}\text{I}\text{A}\text{A} \ \text{a}\text{I}\text{O}\text{A}\text{E}\text{Y} \ \text{A}\text{U} \ \text{A}\text{A}\text{I}$
2. $\text{I}\text{A} \ \text{I}\text{A}\text{I} \ \text{A}\text{A}\text{N} \ \text{I}\text{O}\text{A}\text{A} \ \text{I}\text{C}\text{H}\text{I}\text{I}\text{I} \ \text{E}\text{O}\text{E}\text{A}$
3. $\text{a}\text{I}\text{O}\text{B}\text{I}\text{U} \ \text{t}\text{I}\text{E}\text{I}\text{A} \ \text{I}\text{A}\text{B}\text{a}\text{I} \ \text{A} \ \text{I}\text{B}\text{I}$
4. $\text{I}\text{E}\text{A}\text{A} \ \text{I}\text{O}\text{A}\text{I}\text{O}\text{A}\text{E}\text{E}\text{N} \ \text{O}\text{A}\text{A} \ \text{A}\text{E}\text{E}\text{E} \ \text{A}\text{D}\text{E}\text{A}\text{I}\text{O}\text{A}\text{A}$
5. $\text{I}\text{I}\text{E}\text{O}\text{A}\text{N}\text{I}\text{A}\text{U} \ \text{I}\text{I}\text{U} \ \text{A}\text{A}\text{A} \ \text{A}\text{I}\text{I}\text{A}\text{U}$
(Размеры: 50 X 32,5 см).

Высота строк 3,7 см, междустрочный интервал 2 см. Показатель вязи 2,5-4,6. Бортик ковчежца шириной от 1,5 до 2 см. Выносных букв немного, но часто употребляются диакритические надстрочные знаки титла, каморы, ударения: оксия и вария. Много лигатур. Орнаментальность прямого почерка достигнута дроблением мачт и подчинениями букв. Число строчных знаков (без выносных) колеблется от 18 до 24.

Род дворян Бачмановых появился на Псковской земле с XVI века. Как известно, после «Псковского взятия» 1510 г. и присоедине-

ния северо-западного края к Московскому государству, Великий князь Василий III Иванович повелел вывести из Пскова в московские города 300 знатнейших семей, а на их место перевести столько же москвичей «из десяти городов»⁵⁴. Так старые псковские вотчины достались в поместья государевым служилым людям-переведенцам. О составе дворянских фамилий, поселившихся на Псковщине, свидетельствует писцовая книга 1585-1587 гг.⁵⁵. Она ссылается на прежде бывшее описание Псковской земли, проводившееся в середине XVI века, и упоминает прежних владельцев земельных угодий. По наблюдению С. Б. Веселовского, сравнивавшего материалы писцовых книг, «вследствие близости Пскова к Новгородской земле и постоянных связей с нею среди псковских помещиков мы находим много фамилий потомков лиц, испомещенных в Новгороде в конце XV века. . . . Вероятно, из Новгорода попали на поместья Бачмановы. . .»⁵⁶ По данным писцовой книги 1585-87 гг., в первой половине и середине XVI века среди псковских помещиков Бачмановых упоминаются Нечай Иванов сын – городской приказчик, и Яков Семенов сын – помещик второй статьи, городской по Бельской засаде⁵⁷. Та же книга называет здравствующими в конце XVI в. себежского помещика Богдана Григорьева Бачманова и его сына Андрея, служившего по Пскову⁵⁸.

Как правило, дворяне в свободное от службы и ратных походов время проживали в своих поместьях. Но для приезда на военные смотры во Псков, а также для несения городской службы они имели свои «осадные» дворы в городе. В мирное время такие дворы использовались для хозяйственных визитов, и в них проживали дворники из крепостных или бобыли из посадских, охранявшие подворье. В период военных действий, когда войска соседних стран вторгались на территорию Псковской

земли, «осадные» дворы служили для эвакуации дворянских семейств под защиту крепостных стен. Согласно документам XVII-первой половины XVIII веков, Бачмановы владели двором в Мокролужской сотне. Псковский стрелецкий голова, стольник Федор Иванов сын Бачманов в 1680 – 90-х годах проживал в своем доме, расположенном «смежно с церковным Воскресенским двором», то есть недалеко от Нововознесенского девичья монастыря⁵⁹. Вероятно, находясь в Пскове, семейство Бачмановых посещало в качестве прихожан церковь Нового Вознесения, поскольку захоронение Григория Панкратьева сына Бачманова внутри этого храма не могло быть случайным.

О личности покойного Г. П. Бачманова почти ничего не известно. Родился он примерно на рубеже XVI-XVII веков. Умер 11 апреля 1647 г. В 7139/1631 г., 30 января, Григорий, со всеми «псковскими помещики, дворяны и детьми боярскими» «спрашиван и обыскиван» по следственному делу о князе Дмитрие Петровиче Пожарском, по поводу его злоупотреблений во время воеводства в Пскове. Бачманов был грамотным, и поэтому собственноручно расписался под допросными речами: «К сему обыску Григорей Бачманов руку приложил»⁶⁰. Под тем же следственным допросом подписался псковитин Михайло Бачманов, но кем он доводился Григорию, установить не удалось⁶¹. Из его соплеменников известен также псковский помещик Дружина Бачманов, который служил в 1634 г. в походе воеводы Дмитрия Евфимиевича Воейкова против литовцев, разорявших южные псковские земли⁶². Потомки местных Бачмановых продолжали жить на Псковщине в XVIII в., а в XIX столетии к ним добавились некоторые представители новгородской ветви дворян Бачмановых, включенных по их ходатайству в шестую часть дворянской родословной книги по Псковской губернии⁶³.

Примечания

1. Шокарев С. Ю. Московский некрополь XV-начала XX вв. как социокультурное явление (источниковедческий аспект). Дисс. на соиск. ученой степени канд. истор. наук. М., 2000; Шокарев С. Ю. Некрополь как исторический источник // Источниковедение и краеведение в культуре России. Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. – С. 21-25; Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь: обряды, представления, современность (на материалах Москвы XIV – XVII вв.) // Культура памяти. Сборник научных статей. – М., 2003. – С.141-187.
2. Ильинский Н. С. Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания. – Ч. 1. – СПб., 1790. – С. 49-50, 51.
3. Там же. – Ч. 5. – СПб., 1795. – С. 61-62.

4. Евгений (Болховитинов), митрополит. История княжества Псковского. – Ч. 3. – Киев, 1831. – С. 58, 60, 65-67, 69-70, 152-165.
5. Там же. – Ч. 3. – С. 166-167.
6. Там же. – Ч. 2. – Киев, 1831. – С. 36-38.
7. Спегальский Ю. П. Псковские часовни-усыпальницы // Краткие сообщения Института Археологии. – Вып. 99. – М., 1964. – С. 106-110.
8. Там же. – Ч. 3. – Киев, 1831. – С. 162; Ч. 1. – С. 287.
9. Там же. – Ч. 3. – С. 164-165.
10. Годовиков И. Ф., инженер-полковник. Описание и изображение древностей Псковской губернии. – Вып. 2. – Псков: Типография Губернского Правления, 1881. – С. 45.
11. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф.174. (Годовиков И. Ф.). О.Ф. 28006(25). Годовиков И. Ф. Атлас рисунков и древностей Пскова. – Псков, 1866. – Л. XXVI.
12. Годовиков И. Ф. Описание... Вып. 2. – С. 45-46.
13. Плешанова И. И. Каменные надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. – Вып. XII. – М.: Наука, 1978. – С. 135.
14. Лебедев Г. В., священник. Псковское городское Дмитриевское кладбище. – Псков, 1871. – С. 17-18.
15. Шукин В. Д., священник. Петро-Павловский собор в городе Пскове. – Псков, 1883. – С. 8.
16. Березский А. К., священник. Историко-археологический очерк Псково-градского Георгиевского со Взвоза храма. – Псков, 1887. – С. 28-29.
17. Лебедев А. Е., священник. Историко-статистический очерк псковоградской Варлаамовской церкви. – Псков, 1895. – С. 18-19.
18. Там же. – С. 18.
19. Василев И. И. Археологический указатель города Пскова и его окрестностей. – СПб., 1898. – С. 30-33.
20. Там же. – С. 42-43.
21. Дмитриев И. Д. Псковский Иоанно-Предотеченский женский монастырь. (Историко-археологический очерк). – Псков, 1913. – С. 25-26, 28-30.
22. Там же. – С. 29-30.
23. Там же. – С. 40.
24. Окулич-Казарин Н. Ф. Путеводитель по музею Псковского Археологического Общества. – Псков, 1908. – С. 149-150.
25. Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову. – Изд. второе. – Псков, 1913. – С. 59.
26. Там же. – С. 125, 138, 151, 165-166, 194, 199, 214, 218, 252, 259, 299, 300.
27. Там же. – С. 151, 166, 218, 250, 275.
28. Плешанова И. И. Керамическое надгробие из Псково-Печерского монастыря // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института Археологии. – Вып. 96. Исследования памятников средневековья. – М., 1963. – С. 113-115; Плешанова И. И. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. – Вып. VI. – М., 1966. – С. 149-206; Плешанова И. И. Каменные надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. – Вып. XII. – М., 1978. – С. 63-185.
29. Первоклассный Псково-Печерский монастырь. – Остров, 1893. – С. 152-162.
30. Плешанова И. И. Каменные надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. – Вып. XII. – М., 1978. – С. 133.
31. Михайлов С. П. Пять каменных керамид XVI-XVII вв. из церкви Успения с Полоница в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. – Псков, 1988. – С. 37-39.
32. Там же. – С. 38.
33. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8500. Л. 157 об.
34. Зув М. И. Каменное надгробие Нашекиных из Острова (1645 год) // Земля Псковская, древняя и современная. Тезисы докладов к научно-практической конференции. – Псков, 1992. – С. 4-6.
35. Панов Н. А., протоиерей. Летопись Троицкого собора г. Острова Псковской губернии. – Псков, 1912. – С. 53-54. См. также: Николаевская церковь города Острова, Псковской губернии. – Остров, 1915. – С. 7.
36. Круглова Т. В., Яковлева Е. А. К истории Успенского храма в Пскове // Древности Пскова. Археология, история, архитектура. К юбилею И. К. Лабутиной. – Псков, 1999. С. 95-105.
37. Королева Э. В. Раскопки у дома Масона // АИППЗ. – Материалы семинара 1992 г. – Псков, 1992. – С. 82-86.
38. Михайлов А. В. Некрополь Медведева Злагоустьевского монастыря в Пскове // АИППЗ. – Материалы 50 научного семинара. – Псков, 2004. – С. 118.

39. *Богданова И. А.* Памятные плиты XVI-XVII вв. некрополя Мирожского монастыря // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. 2005 г. – Псков, 2006. (В печати).
40. Подробнее о Нововознесенском девичьем монастыре рассказывается в рукописи монографии Б. А. Постникова и А.Б.Постникова «Духовное сословие Пскова в конце XVII века и в эпоху Петровских преобразований».
41. *Творогов Л. А.* О датировках двух памятников псковского зодчества // Архитектурное наследство. – М., 1963. – С. 182-184; ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 517. Инв. № 1141. О.Ф. 12389(3). Синодик Ново-Вознесенского монастыря. Л. 11, 14 об.
42. *Покровский А. А.* Древнее Псковско-Новгородское письменное наследие. Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. – М.: Синодальная типография, 1916. – С. 65-66.
43. *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова XIV-XV вв. – М., 1985. – С.184-185, 233.
44. Псковские летописи / Под ред. А.Н.Насонова. – Вып. 2. – М., 1955. – С. 28-29, 105.
45. *Седов Вл. В.* О времени постройки церкви Новое Вознесение в Пскове // АИППЗ. – Материалы семинара 1992 г. – Псков, 1992. – С. 15; *Седов Вл. В.* Псковская архитектура XVI в. – М., 1996. – С. 89.
46. *Алпатов М. В., Родникова И. С.* Псковская икона XIII-XVI веков. – Л., 1990. – С. 307.
47. *Суворов Н. С.* Псковское церковное землевладение в XVI и XVII вв. // ЖМНП. – СПб., 1906. - № 4. – С. 373-374.
48. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 8498.
49. *Постникова-Лосева М. И.* Серебряное дело Пскова XVI-XVII вв. // Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. – М., 1968. – С. 159.
50. ПИХМ. Древлехранилище. Ф. 517. № 1141. Синодик Нововознесенского монастыря.
51. *Степанов С. В.* Отчет об археологических раскопках в г. Пскове у церкви Новое Вознесение и на ул. Советской, 42-а в 1995 году. – Псков, 1995. - ПГНИАЦ. – Фонд Отдела археологии Псковского музея-заповедника. – Оп. 1. (Научные отчеты). – Дело 98. – Л. 7-11.
52. *Харлашов Б. Н.* Отчет об археологических раскопках в г. Пскове в 1994 году. – Т. 2. – Нововознесенский раскоп. – Псков, 1995. – ПГНИАЦ. Фонд Отдела археологии ПМЗ. – Оп. 1. (Научные отчеты). – Дело 82. – Л. 54; *Степанов С. В.* Нововознесенский раскоп в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1995. Материалы семинара. – Псков, 1996. – С. 121-123.
53. Славянское выражение «место лобное рай бысть», напоминает о том, что совершившаяся на Кресте смерть Сына Божия открыла путь в рай, то есть в Царство Божие, для всех истинно верующих. (О раскрытии титулов с толкованием см: История и обычаи Ветковской церкви // Старообрядческий церковный календарь на 1994 г. – М.: Издание Старообрядческой Митрополии Московской и всея Руси, 1993. – С. 99-100).
54. Псковские летописи. / Под ред. А. Н. Насонова. – Т.1. – М., Л., 1941. – С. 95-97.
55. Сборник Московского Архива Министерства Юстиции (Сб. МАМЮ). – Т. V. – Псков и его пригороды. Кн. 1. – М., 1913.
56. *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. – Т.1. – М., Л., 1947. – С. 323.
57. Сб. МАМЮ. – Т. 5. – М., 1913. – С. 130, 132, 305; Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х гг. XVI века. / Подготовил к печати А. А. Зимин. – М., Л., 1950. – С. 101.
58. Сб. МАМЮ. – Т. 5. – М., 1913. – С. 153, 418, 427, 438.
59. ГАПО. Ф.22. Оп. 1. Св. 149. № 749. Л. 46 об.; Псковские акты собрания А.Ф.Бычкова 1623-1698 гг. Каталог / Составитель Енин Г. П. – СПб., 1997. – С. 94.; РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Кн. 38. Л. 38, 40, 49 об.
60. Следственное дело о князе Дмитрии Петровиче Пожарском, во время бытности его воеводою в Пскове. С предисловием П. И. Иванова // ЧИОИДР. – М., 1870. – Кн. 1. – Отдел V: Смесь. – С. 23.
61. Там же. – С. 24.
62. Сб. МАМЮ. – Т. 6. – М., 1914. – С. 59.
63. Там же. – С. 409; Сведения о числе ревизских душ в Псковской губернии, числившихся за разными сословиями и учреждениями, по переписи 1756 года. / Сообщил И.И.Василев // Сборник трудов членов ПАО за 1896 год. – Псков, 1897. – С. 23; ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. № 38.

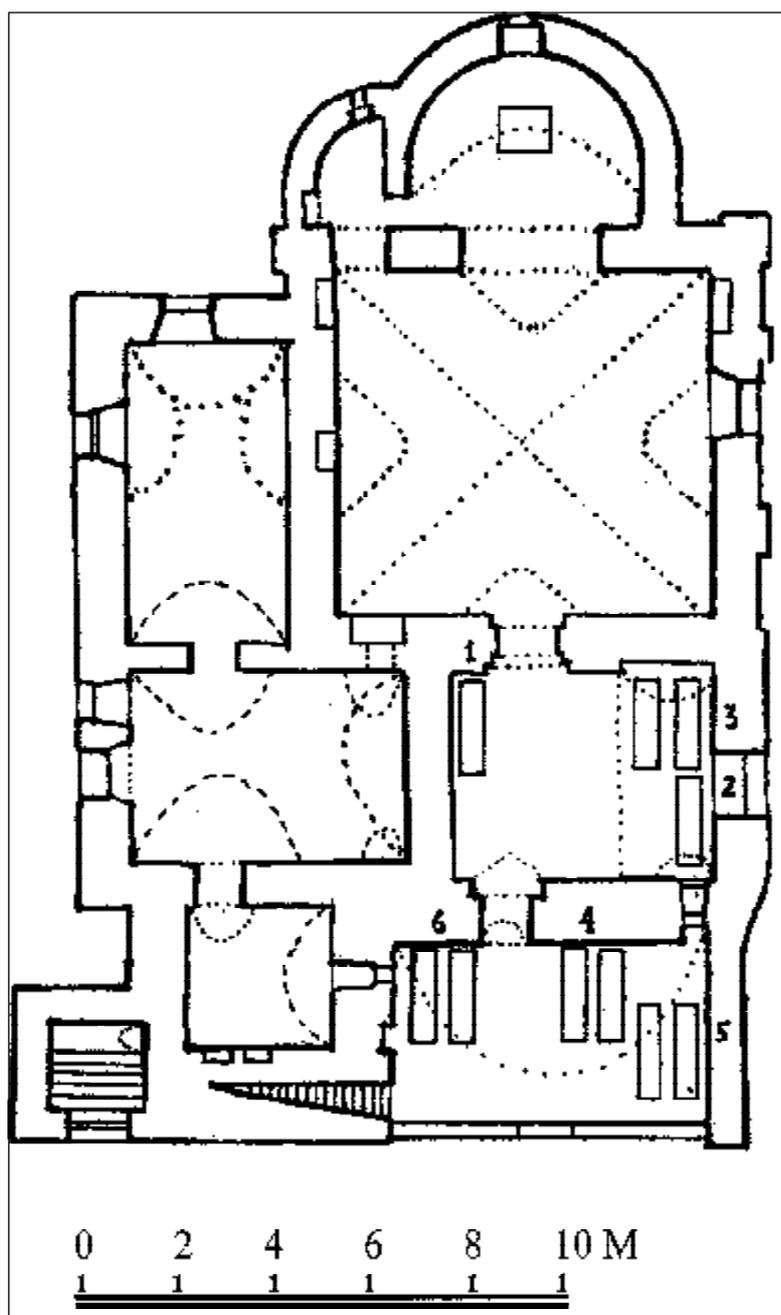
Окончание следует

Храм Нового Вознесения в середине XIX века. Рисунок московского археолога, художника Алексея Александровича Мартынова (1820-1895).

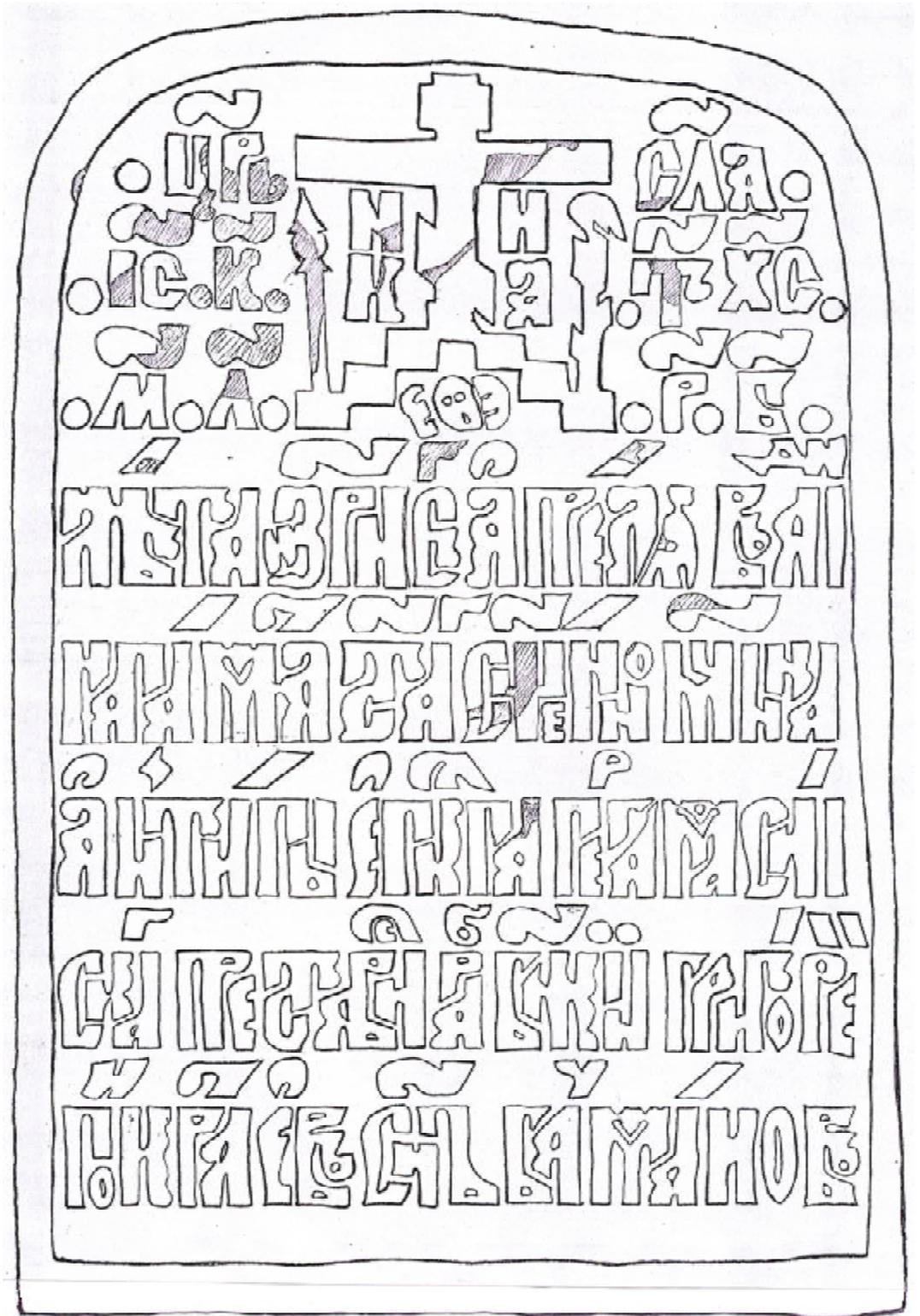

Церковь Новое Вознесение. Вид с северо-востока. Фото автора 2006 г.

План Ново-Вознесенской церкви с показанием местонахождения захоронений и надгробных плит.

1. Надгробие Г.П.Бачманова.
2. Место первоначального расположения плиты А.Ф.Вельяминова.
3. Плита М.С.Бухвостовой и С.Перепечиной.
4. Надгробие В.А.Сарпунова и его жены Зиновии.
5. Надгробие М.Н.Лодыженского и его жены Анны.
6. Каменная плита И.М.Чиркина и И.И.Чиркина.

Надгробие Г.П. Бачманова.